

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
3 (66)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 8

ЗАВОЕВАНИЕ СЕВЕРНОЙ АФРИКИ АРАБАМИ

В VII в. Северная Африка формально считалась подчиненной Византии. В действительности подавляющая часть страны представляла тогда независимые „княжества“, племенные союзы. Опираясь на укрепленные города и форпосты, Византия господствовала над прибрежными равнинами и некоторыми важными коммуникациями восточной части Алжира. И только в Тунисе, благодаря протяженности береговой линии и доступности интерланда с побережья, византийцы относительно прочно покорили проконсульство Африка (Ифрийка) с Карфагеном и, в меньшей степени, Бизацену.¹ Однако и здесь не прекращались восстания, сливавшиеся обычно с борьбой независимых племен и „княжеств“ против покушений империи на их свободу.

К тому же позиции Византии в Северной Африке ослаблялись сепаратизмом местного экзарха и гарнизонов, подчиненных ему. Ко времени завоевания страны арабами экзарх Григорий объявил себя независимым от Византии. Присланный Константинополем новый наместник, поддержанный с моря, овладел Карфагеном, но Григорий перенес свою резиденцию в город Сбейтла. Это удаление византийских сепаратистов от моря закрепило их независимость от Византии, но не открыло им доступа в глубь страны: их новая резиденция была отрезана от основных земель берберов непреодолимой преградой горного массива Аурас, веками служившего центром свободолюбивых полуседлых племен, враждебных всем завоевателям.

Арабы, завоевав Египет, с 642 г. организовали оттуда ряд удачных побегов на Триполитанию, главным образом на ее византийские города. Египетский наместник 'Амр ибн ал-'Ас просил у халифа 'Омара

¹ Ибн Халдуи. Та'рих ад-дувал ал-исламй би-л-Магриб (арабский текст). Алжир, 1847—1851, т. I, стр. 132; французский перевод: De Slane, Alger, 1852—1856, t. I, стр. 207—209. (В дальнейшем: Ибн Халдун); Ph. Kh. Hitti. History of the Arabs. London, 1916, стр. 214. (В дальнейшем: Hitti); Ибн 'Аззари (Ибн 'Изирй). Ал-Байн ал-Могриб... (арабский текст). Лейден, 1848, т. I, стр. 3; французский перевод: E. Fagnan, Alger, 1901, t. I, стр. 2. (В дальнейшем: Ибн 'Аззари); Mesnage. Le christianisme en Afrique. Revue Africaine, 1913, стр. 686 сл.

разрешения наступать дальше на запад, но не получил его. Экспедиция туда была организована в 647 г. при халифе Османе, который призвал арабов к джихаду и предоставил от себя для этой цели оружие, тысячу верблюдов, лошадей. Откликнулось двадцать тысяч добровольцев, собравшихся в Медине. Их отправили в распоряжение египетского наместника Абдаллаха ибн Сада ибн абу Сарха. В Триполитании, видимо, к ним присоединились некоторые берберские племена, и близ Сбейтлы они разгромили армию византийцев. Экзарх Григорий погиб в бою, остатки войска его бежали в Карфаген. Византийцы захваченных арабами городов согласились уплатить им большую дань.¹ Отныне разрозненные гарнизоны их представляли лишь опасность как базы, как возможный резерв на случай вторжения сил метрополии с моря или при другой угрозе извне.

В наступившее пятилетие борьбы внутри халифата (656—661) вождь местных сторонников омейядов, Муавийа ибн Худайдж, сделал Триполитанию своей базой. Затем он, по поручению Амра, восстановленного омейядами в качестве египетского наместника, возглавил новую экспедицию в Северную Африку и, по некоторым сообщениям, доходил даже до Бизерты.²

Во всех этих набегах арабов основным объектом их были византийские города, непосредственной целью — добыча. Так именно расценили набеги берберы. Возглавлявшая их Кахина в своей тактике обороны исходила из учета того, что „арабам в Ифрийки нужны города, золото и серебро“.³

Новый этап в отношении к Северной Африке начался назначением особого правителя после Ибн Худайджа. Этот пост Амр поручил своему племяннику Укбе ибн Нафи, участнику ряда предшествующих набегов на Триполитанию. Он сделал данниками группы оазисов Фаззан, Ваддан, Гадамес, возглавил нападение на города Ифрийки, проявляя неизменную жестокость. Его войска истребляли, увечили непокорных, грабили, угоняли детей в плен.

Существенным в продвижении арабов на запад явилось их стремление иметь свой город, свое укрепленное место. С этой целью был по-

¹ Ибн Абд ал-Хакам. Футух Мыр... (арабский текст). Лейден, 1920, стр. 183 сл., 192 сл. (В дальнейшем: Ибн Абд ал-Хакам); H. Fournel. Les Berbères. Paris, 1875, t. I, стр. 110—112. (В дальнейшем: Fournel); A. Bel. La religion musulman en Berberie. Paris, 1938, t. I, стр. 91. Отмечается, что наложенная при этом дань понуждала население продавать детей в рабство (ср. также: Ибн Аззари, т. I, стр. 7, фр. перевод стр. 8).

² Fournel, t. I, стр. 139—141; Ибн Халдун, т. I, стр. 133—134, фр. перевод стр. 210—211.

³ Ибн Аззари, т. I, стр. 21, фр. перевод стр. 27. Здесь уместно вспомнить общее для всех народов положение классиков марксизма: „Грубая алчность была движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня“ (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 152).

строен город Кайруан. Обычно основание его датируется 670 г.¹ и приписывается 'Уқбе. Кроме 'Уқбы, основание Кайруана приписывается еще последующему правителю Ифрїкии Абū ал-Мухāджиру. Наконец, первую постройку такого города-базы связывают и с именем Ибн Худайджа, причем здесь слово „кайруан (қайравāн)“ употребляется не как имя собственное, а в обычном арабском его значении — „база“, „военный лагерь“.² Естественно, что фактически места для баз намечались непосредственно отрядами, укреплявшимися в них, а строили их массы окрестных племен. Нередко базы переносились на новое место в соответствии с изменившимися задачами завоевателей, а также в связи с честолюбивыми замыслами претендентов на роль основателя города: 'Уқба дважды перенес город, Абū ал-Мухāджир, по советам местного союзника его Кусейлы, построил Кайруан в другом месте.³ Некоторые считают, что первоначально 'Уқба назвал город Ифрїкией, видимо для отличия от остальных подобных баз.⁴

Удачный выбор местоположения и усиление арабов обеспечили нынешнему Кайруану его политическое и стратегическое значение, сделали нарицательное имя собственным именем города. Расположение города посреди обширной равнины, пересекаемой хотя и небольшими, пересыхающими летом реками, обеспечивало арабам пастбище, достаточное для их верблюдов, и удобное наблюдение за стадами из Кайруана. Перекрещивающиеся в этом месте пути в Северную Африку и Триполитанию подводили арабов непосредственно к подступам в глубь страны, не отрывая в то же время от коммуникаций с их тылом на востоке. Вместе с тем расстояние, равное двухдневному переходу от моря до Кайруана, ограждало город от опасности неожиданной атаки римского флота.

¹ Ибн 'Абд ал-Хаккам, стр. 194 сл.; Fournel, t. I, стр. 159 сл. Приводятся и другие даты. В частности заслуживает внимания указание на 663/64 г. (43 г. хиджры) как на время основания Кайруана. Этот год приводится в источнике, недавно опубликованном крупнейшим французским ученым востоковедом ('Ubayd Allah ben Abi 'Ali Saliḥ ben Abd al-Halim. Un nouveau récit de la conquete de l'Afrique du Nord par les arabes. Перевод и вступительная статья E. Lévi-Provençal. Arabica, Paris, 1954, t. I, part. 1, стр. 38. (В дальнейшем: Arabica). Подобные расхождения в определении дат событий довольно обычное явление для изучаемого периода и в дальнейшем мы на них не останавливаемся.

² Ибн 'Абд ал-Хаккам, стр. 193.

³ Ибн 'Абд ал-Хаккам, стр. 194 сл.; Ибн Халдун, т. I, стр. 134, фр. перевод стр. 211; Fournel, t. I, стр. 159 сл.

⁴ Arabica, стр. 26, 33, 43. Приведенные здесь противоречия в именах деятелей — типичное явление для используемых источников, пытающихся историю свести к предпринимчивости выдающихся лиц. Порочность такого метода очевидна. Тем не менее имена правителей, полководцев упоминаются нами очень часто. Они особенно важны как отдельные черты при изучении исторических событий, значительно стертых временем, окутанных легендами. А факты расхождений в именах выдающихся деятелей лишь подчеркивают их относительную роль.

Благодаря этим преимуществам Кайруан, в ходе последующих событий, превратился из базы для набегов в центр организации глубоких рейдов внутрь страны, а затем и в центр завоевания ее, арабизации и распространения ислама среди берберов. Соответственно этим задачам вокруг Кайруана были воздвигнуты стены, в городе построены казармы, здания местной администрации и мечети. В первые же годы вокруг Кайруана объединилось ядро принявших ислам берберов.¹ Подобно тому как ранее Карфаген стал воротами в Северную Африку с моря, так Кайруан выполнял здесь роль ворот с суши.

В 674/75 г. новый египетский наместник назначил правителем Ифрйкии вместо 'Уқбы своего „клиента“ (маулā) Абū ал-Мухāджира. Берберы оказывали ему упорное сопротивление. Центром борьбы оставался район гор Аурās, в котором доминировало тогда населявшее западную часть гор полуоседлое племя аураба. Вокруг аураба объединились племена одной из двух ветвей (берāнес, синахādжа), на которые делили берберов. Племенем аураба правил тогда Кусейла, именуемый обычно „царем“ или эмиром (малик, амйр), избранный пожизненно.² Видимо, рассчитывая на использование религии в качестве знамени объединения берберов и борьбы за гегемонию с другими соперниками, Кусейла принял христианство.³

Выражением того же соперничества, но уже с ориентировкой на союз с арабами, было принятие ислама группой племен, принадлежавших ко второй ветви (ботр, зенāта), во главе с племенем магрāва. Они занимали территорию к западу от Аурāса до Тлемсенского массива включительно. Таким образом, арабы могли опереться на союзников, расположенных в тылу у Кусейлы.⁴ Последний был вынужден отступить перед силами Абū ал Мухāджира и, преследуемый ими до Тлемсена, капитулировал, приняв ислам.

В 682 г. новый египетский наместник вернул 'Уқбе пост правителя Ифрйкии. Мстя Абū ал-Мухāджиру, 'Уқба возил его с собой закованным в цепи, а Кусейлу третировал как слугу.⁵ 'Уқба совершил глубокий рейд до Танжера, а затем до Сўса, на южной окраине Марокко. На этом пути лишь в четырех пунктах берберы оказали ему сопротивление: в оазисах Зāб, у Тāхерта, Танжера и на перевале через Атлас. У со-

¹ Ибн Халдун, фр. перевод т. I, Приложение (Nuwairy), стр. 327.

² Ибн Халдун, т. I, стр. 134—135, 185, фр. перевод стр. 211—213, 286.

³ Ибн Халдун, т. I, стр. 131—135, фр. перевод стр. 211—113.

⁴ Ибн Халдун, т. I, стр. 133; т. II, стр. 34; фр. перевод т. I, стр. 210; т. III, стр. 227—228; см. также: т. I, стр. 134, фр. перевод т. I, стр. 212 — о племенах магрāв и других зенāта-мусульманах, пришедших на выручку арабам при завоеваниях последними Алжира и Марокко.

⁵ Ибн Халдун, т. I, стр. 185, фр. перевод стр. 286—287.

противлявшихся 'Уқба не только разграбил имущество, но истребил боеспособное население, других взял в плен.¹

Несмотря на старания 'Уқбы распространить здесь ислам и упрочить свое господство, рейд его не оставил заметных следов. На обратном пути 'Уқба столкнулся с непреодолимым сопротивлением. Кусейла, опираясь на берберскую знать, вырвался из рук 'Уқбы, организовал ему сопротивление и убил его недалеко от Кайруана (683 г.). Заместитель 'Уқбы в Кайруане Зухайр ибн Қайс отступил на Восток.

Восстановив независимость своего княжества, Кусейла сделал Кайруан своей резиденцией, покровительствовал его жителям, включая арабов. Около пяти лет правил Кусейла, энергично добиваясь объединения племен и рассеянных византийских гарнизонов. Для этого он рассылал представителей, устанавливал связь с племенами.² Хотя авторы иногда и говорят о власти Кусейлы над Ифрйкией и „Магрибом в целом“,³ в действительности он не успел еще объединить даже Ифрйкию.

В 686/87 г. в Ифрйкию была снаряжена новая экспедиция арабов, возглавленная бывшим заместителем 'Уқбы Зухайром ибн Қайсом ал-Балави. Кусейла и собранное им в Кайруане совещание берберской знати, опасаясь удара с тыла со стороны местных мусульман, решили оставить город и дать бой в открытом поле.⁴ В сражении Кусейла погиб, берберы отступили, аураба укрылись в Марокко. Однако Зухайр тоже вынужден был отступить и вторично оставил Кайруан.

В 688/89 г. арабская армия в сорок тысяч человек, во главе с Хассаном ибн ан-Нуманом, предприняла новый поход в Ифрйкию. Первый удар они нанесли оставшимся еще в Карфагене византийцам, разбили их и те бежали за море. Город заняли тогда здешние берберы, но Хассан вторично разграбил его, разрушил до основания, много жителей истребил, других угнал в плен. Точно также Хассан разбил поднявшиеся против него отряды соседних берберов и византийцев. Первые бежали в район Бона, вторые — в город Бужи.⁵

Серьезное сопротивление арабам по-прежнему оказывали племена Аураса. На этот раз их возглавило населявшее восточную часть гор полуоседлое племя джерава, вокруг которого объединились племена

¹ Ибн Халдун, т. I, стр. 131, 185, фр. перевод т. I, стр. 212, 286—287 и Приложение (Nuwairy), стр. 332; Fournel, t. I, стр. 161—170. Достоверность рейда 'Уқбы вызывала ранее сомнения у некоторых востоковедов. В упомянутой выше публикации приводятся новые данные подтверждающие этот факт и дополняющие его рядом существенных подробностей (Arajsa, стр. 17 сл.).

² Ибн 'Аззари, т. I, стр. 15, фр. перевод стр. 19; Ибн 'Абдал-Хаккам, стр. 198.

³ Ибн 'Аззари, т. I, стр. 15, фр. перевод стр. 19; Ибн Халдун, т. I, стр. 134, 185, фр. перевод стр. 211—212, 286 и Приложение (Nuwairy), стр. 335.

⁴ Ибн 'Аззари, т. I, стр. 16, фр. перевод стр. 20.

⁵ Ибн 'Аззари, т. I, стр. 19—20, фр. перевод стр. 25. Наиболее достоверной датой завоевания Карфагена арабами можно, очевидно, считать 688/89 г. (ср. Arajsa, стр. 43).

зенāта, сохранившие старую религию. Верхи джерāва, в целях того же соперничества с другими претендентами на гегемонию и для укрепления авторитета складывавшегося государства, придерживались, как полагают, иудейства. Правила ими в те годы кāхина („прорицательница“), известная главным образом под этим именем и называемая „царицей“ (малика) берберов.¹ Отмечается усиление ее со времени разгрома Григория, а затем Кусейлы.²

В источниках отсутствуют какие-либо сведения о племени джерāва и деятельности Кāхины до вторжения Хассāна. Точно также о сыновьях Кāхины, лишь упоминаемых впоследствии, мало сообщается за период, предшествующий столкновению с Хассāном. Рассказывая о том, что у Кāхины было двое сыновей, Ибн 'Иззāри добавляет: „...один из них обоих — бербер, а другой — грек“.³ Это загадочное сообщение вызывает предположение о некоторых расхождениях между царицей и ее сыновьями или о различии связей и влияний, соответственно тому, какими племенами правили сама мать и сыновья, в качестве вассалов ее или самостоятельно, близ районов господства румов, вдали от них и т. д. Возможно, что то и другое предположения имеют основание.

Отчасти эти предположения подтверждают и дополняют более важные и подробные сообщения Ибн 'Абд ал-Хакмама. Он рассказывает, что еще во время рейда 'Укбы в Сус по степи его преследовали, незаметно для него, берберы во главе с сыном Кāхины, засыпавшие колодцы, которыми пользовались войска 'Укбы.⁴ Таким образом, на обратном пути войско завоевателей оказалось лишенным воды, продвигалось с боями. Во время этих боев 'Укба и был убит. Вместе с ним погиб Абū ал-Мухāджир, закованный в кандалы.⁵

Таким образом, в противоположность приведенной выше общепринятой версии о Кусейле, как единственном серьезном противнике 'Укбы и Зухайра, Ибн 'Абд ал-Хакмама отводит значительное место также сыну Кāхины.⁶ Эти данные проливают свет на ряд существенных моментов, затемненных другими источниками. Необъяснимое, явно гибельное для 'Укбы раздробление им своего войска перед лицом сконцентрированных сил берберов вполне может быть мотивировано описанной выше тактикой сына Кāхины, засыпавшего колодцы. Мы лучше пойдем, как

¹ Ибн 'Абд ал-Хакмама, стр. 200; Ибн Халдун, т. I, стр. 132, 135, фр. перевод стр. 208—209, 213 (собственное имя Кāхины было Дихья бинт Табет).

² Ибн Халдун, т. II, стр. 9, 11, фр. перевод т. III, стр. 191, 193. Среди примкнувших к Кāхине зенāта упоминается даже племя, союзное с магрāва, Кāхина „надела их землями у ее горы“.

³ Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 21, фр. перевод стр. 27.

⁴ Сына Кāхины Ибн 'Абд ал-Хакмама зовет Ибн ал-Кāхина ал-Берберī (стр. 198).

⁵ Об этом, как одном из вариантов, сообщает также Ибн 'Абд ал-Хакмама (стр. 198).

⁶ В упомянутой публикации Леви-Провансаля приводятся новые данные о кровопролитных боях 'Укбы с берберами в степях, на обратном пути его, до сражения с Кусейлой (Arabica, стр. 30, 39).

в бою против берберов погиб вместе с 'Уқбой друг Кусейлы Абу ал-Мухаджир,¹ если примем во внимание, что, помимо Кусейлы, сражениями руководили и другие вожди. Отступление Зухайра из Кайруана после блестящей победы, одержанной им над Кусейлой, и вопреки этой победе, источники объясняют обычно опасениями Зухайра перед „мирскими соблазнами спокойной жизни“.² Лишь в источнике, недавно опубликованном Леви-Прованселем, приводится более основательная причина — „Зухайр уходит на Восток ввиду истощения трофеев, захваченных у Кусейлы“;³ иными словами: берберы, блокировавшие Зухайра, вынудили его отступить. Победа над Кусейлой не решила исхода борьбы между арабами и берберами. Учитывая сказанное выше и то, что Ибн 'Абд ал-Хакам определенно объясняет первое отступление Зухайра победой над ним сына Кāхины,⁴ мы поймем и причину второго отступления Зухайра. А вместе с тем приобретает закономерность появление Кāхины на исторической арене в ведущей роли.

Именно активная связь племен Кāхины с событиями последних лет может объяснить преувеличенную, но выразительную характеристику, которая дается ей в информации, представленной Хассāну: „...все румы Ифрйкки боятся ее, а все берберы ей подчиняются...“.⁵ Лишь после решительных побед над византийцами и берберами в районе Карфагена Хассāн выступил против сил берберов, объединившихся вокруг Кāхины. Спустившись с гор Аурāса, последние напали на арабов и нанесли им решающее поражение. Хассāн, преследуемый, вынужден был бежать в Триполитанию. Восемьдесят знатных арабов из армии Хассāна попало в плен к Кāхине.

Очевидно, еще до этого боя, готовясь к нему, берберы разрушили город-крепость Багāйя на восточных подступах к Аурāсу, занятый византийским гарнизоном; они опасались использования его арабами. Видимо, такое отношение к городам у верхов полуоседлых племен, на которые опиралась Кāхина, стало основой тактики в борьбе против арабов. Сообщают, что изгнав Хассāна, Кāхина решила развить эту тактику и обратилась к племенам с программой: „Арабам в Ифрйкки нужны города, золото и серебро, а нам нужны от нее поля и пастбища. Мы, стало быть, не видим для вас ничего лучшего, как опустошить Ифрйккию в такой мере, чтобы арабы, отчаявшись добыть здесь что-либо, никогда больше не мечтали вернуться сюда“.⁶ Некоторые

¹ Так характеризует его Ибн Халлун (т. I, стр. 185, фр. перевод стр. 286).

² Ибн 'Аззāрий, т. I, стр. 17, фр. перевод стр. 21; Ибн Халлун, фр. перевод т. I, Приложение (Nuwairy), стр. 337.

³ Arabica, стр. 30.

⁴ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 199.

⁵ Ибн 'Аззāрий, т. I, стр. 20, фр. перевод стр. 25; см также: Ибн Халлун, т. I, стр. 135, фр. перевод стр. 213.

⁶ Ибн 'Аззāрий, т. I, стр. 21, фр. перевод стр. 27. Эта программа, кстати, по-

авторы утверждают, что Кāхина полностью осуществила план.¹ Во всяком случае обычно в источниках отмечается вызванное этими планами недовольство горожан, оседлых — берберов и румов. Очевидно, в связи с этими отношениями с городами, Кāхина, победив, не осела в Кайруане, а вернулась в свои горы.

Около пяти лет правила таким образом Кāхина. Ее значение в эти годы вернее всего определяет характеристика Ибн 'Абд ал-Хакама — „владычица большей части Ифрйқи“.² Стратегическая роль этой позиции была решающей — она закрывала арабам доступ в Северную Африку. Между тем, Хассан, обосновавшись по соседству в Триполитании, использовал рознь между Кāхиной и оседлыми для привлечения части берберов и остатков румов на свою сторону, в целях разложения лагеря Кāхины. Дело дошло до того, что окружение Кāхины обсуждало вопрос о капитуляции. Кāхина гордо отвергала подобные предложения — „это было бы позором для ее народа“.³ Но сопротивляемость берберов была ослаблена разбродом в верхах, руководивших ими. Именно это подчеркивала разведка Хассана в своих донесениях: „...берберы разрознены, нет порядка у них и нет у них [общего] мнения“.⁴

Неудивительно, что перед лицом сплоченной тогда арабской армии знать берберов, в том числе и племени джерāва, стала на путь сговора с халифатом. Это предрешило поражение Кāхины. В 695 г. в битве с Хассаном силы ее были разбиты, сама она пала в бою. Сопrotивление героического Аурāса завоеванию Северной Африки было сломлено.

Вопрос об обстановке и условиях покорения Северной Африки всегда интересовал историков. Арабы придерживались того мнения, что берберы покорились и приняли ислам „с целью сохранения своих земель“. Присоединяясь к этой точке зрения, брат знаменитого историка Яхйā ибн Халдун оговаривает, однако, спорность принятия берберами ислама добровольно или под давлением силы.⁵ Между тем факт оставления земель в собственности берберов, принявших ислам, — доказательство договора об арабо-берберском союзе, письменного или устного; принятие ислама населением после военного поражения, как

казывает, что джерāва вели полуоседлый образ жизни, но, видимо, отличались от аураба меньшей связью с оседлыми.

¹ Ибн Халдун, т. II, стр. 136, фр. перевод стр. 214. Однако нет, например, никаких сообщений о попытках разорить главную базу арабов — Кайруан. Поэтому основательно сомнение, выражаемое западноевропейскими востоковедами в реализации Кāхиной тактики „полосы пустыни“ (ср.: Basset. *Melanges Africaines*. Paris, 1915, стр. 6).

² Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 200.

³ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 200—201; Ибн 'Аззārī, т. I, стр. 22, фр. перевод стр. 28—29.

⁴ Ибн 'Аззārī, т. I, стр. 22, фр. перевод стр. 28.

⁵ Яхйā ибн Халдун. Бигйā ар-рувād... (арабский текст), т. I, стр. 72; фр. перевод: A. Bel. Alger, 1904, стр. 96.

полагают мусульманские законоведы не освобождало завоеванные земли от передачи их в качестве трофея (фай') арабам.

Известный голландский востоковед Р. Дози в работе, освещающей завоевание Северной Африки, признает союз арабов с берберами и подчеркивает его условие; "... чтобы перед североафриканцами никогда не кичились добытыми правами, щадили бы их самолюбие и обходились с ними не как с побежденными, а как с равными, с братьями".¹ Однако наиболее распространенная точка зрения отрицает наличие какого-либо союза. Так, французский востоковед Р. Басэ, ссылаясь на ту же работу Р. Дози, приходит к следующему диаметрально-противоположному выводу: „Арабское завоевание Северной Африки, в отличие от Сирии и Египта, столкнулось с общим фронтом берберов и румов, породило арабо-берберский антагонизм, обостряющийся чем дальше, тем больше“.²

Обе точки зрения, несмотря на резкое различие, объединены формальным, неправильным представлением о природе союза. Равенство, братство и т. д. на деле оказались неосуществимыми здесь, в обществе, где союз претворяли в жизнь верхи, уже озабоченные присвоением прибавочного продукта, вырабатываемого своими и чужими народными массами. В борьбе за долю этого продукта сама знать распалась на враждующие группы. Такое расхождение идеализированного союза с действительностью дало повод сторонникам версии незатухающего арабо-берберского антагонизма огульно отрицать существование какого-либо союза. Между тем вся история арабо-берберских отношений развивалась именно под знаком союза, только реального и изменчивого, в соответствии с соотношением сил сторон, с развитием общества и его классов.

Обратимся к фактам из истории арабов и берберов. Много писалось о том, что арабы перед завоеванием какой-либо страны обычно обращались к населению ее с предложением союза в форме принятия ислама на условиях равенства: "... для вас то, что для нас, и на вас то, что на нас“.³ В таком именно порядке началось, по рассказу Нувайри, завоевание Северной Африки.⁴

Приводя указанную формулу, акад. В. В. Бартольд здесь же отмечает расхождение между теорией и практикой. Действительно, первоначальные уравнивательные тенденции мусульманского союза уже скрывают привилегии арабов и классовую дифференциацию, заложенные в его основе. Обязательной формой союза — исламом — освящалась преимущественная роль арабов, знати их в разделе власти, добычи: пророка, сородичей его (шарифов, курайшитов, даже всех мударитов, и т. д.), сподвижников его (аҫ-сахаба) — мекканцев (мухаджиров) и мединцев

¹ R. Dozy. Histoire des musulmans d'Espagne... Leyde, 1861, t. I, стр. 229.

² R. Basset. Melanges Africaines. Paris, 1915, стр. 219—220.

³ В. В. Бартольд. Мусульманский мир. Пгр., 1922, стр. 30.

⁴ Ибн Халдун, фр. перевод, т. I, Приложение (Nuwairy), стр. 317.

(ансаров), многочисленных учеников их, преемников (таби¹) и т. д.¹ Союзникам объективно предназначалась роль вассалов. Это привилегированное положение арабской знати дополнялось освящением их городов как центров ислама, их языка как единственного ритуального языка, а затем и государственного.

Кроме того, ислам не просто сохранял за союзниками их собственность; он освящал претензии местных верхов на владение землями, которыми те, до арабских завоеваний, лишь распоряжались от имени племени. Формировавшийся же государственный аппарат халифата помогал этим верхам постепенно осуществлять экспроприацию племенных масс.

Классовая тенденция такого союза особенно наглядно выступает в форме, называемой мусульманской традицией „та'лиф ал-кулуб (привлечение сердец). С ней связано расходование налога садака, предусматривающего долю его в пользу „тех, чьи сердца завоевываются“² (наряду с долей в пользу родичей пророка и др.). Авторитетные толкователи Корана подтверждают, что здесь имелись в виду именно верхи склоняемых к исламу племен и народов. Один из них сообщает, например, об одаривании Мухаммедом курайшитской знати и племенных вождей за счет садака; вожди племен Неджда получили по 100 верблюдов. Это были „дары, жалуемые могущественным лицам и недоступные бедным.“³ Именно такую политику пытался проводить в Северной Африке упомянутый правитель ее — Абӯ ал-Мухаджир. Так как преемник его, Укба, нарушил эти принципы в отношениях с Кусейлой, то он укорял его словами: „... пророк добивался соглашения с вождями арабов, а ты третируешь мужа, могущественного в своем племени“⁴.

Берберы, конечно, были информированы об этих тенденциях арабов издавна. Кроме того, арабы во время своих набегов на города-форпосты румов в Северной Африке объективно оказывали помощь берберам, борющимся против Византии, становились их союзниками. В свете всего изложенного несомненным отражением действительных событий является сообщение арабских источников о союзе, заключенном между халифом Османом и верхушкой упомянутого племени магрāва. Авторы расходятся в оценке деталей состоявшегося соглашения — то ли представители племени магрāва явились к арабам в качестве послов, то ли они попали в плен к ним. Равным образом нет единства в определении даты события.⁵ Зато в характеристике соглашения они единодушны: представители

¹ Ср.: Коран VIII — 1, 42, 73—76; IX — 101, 118; LVII — 10, а также табель распределения доходов от добычи у Дж. Зайдāна: Та'рих ат-тамаддун ал-ислāми (арабский текст), Каир, 1902 т. 1, стр. 125; Hitti, стр. 172.

² Коран IX — 60. Кстати, этот вопрос совершенно обходится востоковедами.

³ H. Laoust. Le traité de droit public d'Ibn Taimya. Beyrouth, 1948, стр. 49—51.

⁴ Ибн Халдун, т. I, стр. 186, фр. перевод стр. 287.

⁵ Ибн Халдун, т. I, стр. 127, 132, фр. перевод стр. 199, 210; Яхйā ибн Халдун, т. II, стр. 84, фр. перевод стр. 110. Источники относят это событие ко вре-

магрāва приняли ислам как союзники, со всеми вытекающими последствиями, халиф принял их под свое покровительство (в качестве мавāли), утвердил главу магрāва Сўлāта ибн Узмāра из рода хазар в качестве правителя их княжества. Подчеркивают, что при переговорах „мусульмане оказали вождям берберов особый почет, которого не проявляли ни к одному из народов“.¹ Затем источники сообщают об этих вождях берберов: „Они вернулись в свою страну радостные, с дарами“.²

При всех разногласиях и определенных элементах легенды основа этих сообщений проверяется и подтверждается большинством источников и всеми событиями. Больше того, логично полагать, что союз 'Осмāна с магрāва оказал решительное влияние на планы халифа, в известной мере определил решение его организовать поход. Тогда становится понятной и отмена категорического запрета похода, установленного 'Омаром, и энергичное участие 'Осмāна в организации его. В противном случае осталась бы беспредметной инвестиция 'Осмāна хазаридам, обязательство покровительствовать им и т. д.

Выше приводились упоминания о верности магрāва союзу, об активной помощи их арабам. Именно от них могло исходить приведенное донесение Хассāну о силе Кāхины. В устах соперников ее, хазаридов, союзников арабов, приобретает смысл признание превосходства роли Кāхины, с обязательством: „А если убьешь ее, покорится тебе весь Магриб и не останется против тебя ни врага, ни сопротивляющегося“.³

В противоположность хазаридам, образы Кусейлы и Кāхины отражают в основном волю народа к борьбе за независимость. Однако и в их действиях сказывалась тенденция к определенному сближению с арабами. Кусейла даже сделал такую попытку, вступив в соглашение с Абū ал-Мухāджиром. Только нарушение условий 'Уқбой и его заносчивость толкнули Кусейлу на борьбу против него. При этом Кусейла сохранил союзные отношения с арабами Кайруана, ставшего его столицей.

Кāхина сама не вступала в соглашение с арабскими правителями, но она проявила особое доброжелательство к знатым арабам, попавшим к ней в плен, отпустив их на свободу, исключая одного Хāлида ибн Йāзида, усыновленного ею. Хāлид, видимо, не всегда без ведома Кāхины сносился с Хассāном. Во всяком случае, предание приписывает ей поручение Хāлиду, накануне решающего сражения, договориться с Хассāном о предоставлении последним амāна (безопасности, покровительства) для сыновей Кāхины, получивших ее согласие перейти в стан арабов.⁴

мени правления 'Османа, однако встречается, хотя и редко, и датировка правлением 'Омара (ср.; Fournel, т. I, стр. 26, 113).

¹ Ибн Халдун, т. I, стр. 133, фр. перевод стр. 210.

² Ибн Халдун, т. II, стр. 234, фр. перевод т. III, стр. 228.

³ Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 20, фр. перевод стр. 25.

⁴ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 200—201; Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 21—23; фр. перевод стр. 27—29; Ибн Халдун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 214—215.

Единственное оправдание этого шага Кāхина видела в том, что таким путем ее „сыновья достигнут власти... и гарантируют берберам славу“.¹ В этих словах наиболее рельефно выступает политическое значение союза арабо-берберских верхов. Действительно, сыновья Кāхины, приняв ислам, выставили, по условию с Хассāном, двенадцатитысячный отряд берберов Аурāса для участия в джихāде и были поставлены во главе этого войска.² Таким образом, вместе с племенами, руководимыми магрāва на западе от Аурāса и состоявшими давно в союзе с арабами, халифату покорились, приняв ислам, основные племена центральной части страны.

Соответственно задачам укрепления арабо-берберского блока, Хассāн утвердил Кайруан резиденцией, сделал ее центром управления, основал здесь ведомства (дивāны), построил соборную мечеть. При поддержке союзных племен берберов, город превратился в центр распространения ислама. В свою очередь соседние и другие „правоверные“ берберские вожди получили большую возможность упрочить и развить свое внутривозрожденное господство, носившее еще феодально-патриархальный характер. Экспансию их ограничивала задача арабским завоевателям земель непокорных племен („неверных“). Но и повинности правоверных вождей берберских племен в отношении центральной власти ограничивались незначительным полупатриархальным сбором зекāt, садақа (очистительный налог, милостыня). В этом заключалось экономическое значение блока.

Общая картина феодальных отношений в Северной Африке не находит конкретной расшифровки в арабских источниках. Говоря о них, авторы, начиная с самых ранних (Ибн ‘Абд ал-Хакам — середина IX в.) и кончая позднейшими (Ибн Халдун — вторая половина XIV в.), почти дословно повторяют одну нечеткую формулировку, не внося в нее ни дополнений, ни разъяснений. Они сообщают, что Хассāн „наложил харрāдж на ифрйкийских чужеземцев (аджем) и на тех берберов, которые вместе с первыми отстаивали христианство“.³

Эта нечеткость отражает складывавшиеся еще феодальные отношения того этапа развития халифата. Дошедшие до нас известия дают основание считать, что халифат усваивал найденные в готовом виде на территории Ирана и Византии⁴ феодальные формы экспроприации и

¹ Ибн ‘Аззāри, т. I, стр. 23—24, фр. перевод стр. 29.

² Ибн ‘Аззāри, т. I, стр. 23, фр. перевод стр. 29; Ibn el-Athir. Annales du Maghreb. . . Перевод E. F e g n a n. Alger, 1898, стр. 31; Ибн Халдун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 214 и Приложение (Nuwairy), стр. 341; Ибн Абд ал-Хакам, стр. 201.

³ Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 201; Ибн Халдун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 215. См. также: Ибн ‘Аззāри, т. I, стр. 23 (исключая несущественное стилистическое отступление), фр. перевод стр. 29.

⁴ Об этом свидетельствует термин харрāдж. Упоминаемый ниже арабский правитель

эксплуатации непосредственного производителя. Последнего облагали налогом-рентой, „харādж“, за пользование экспроприированной у него землей, а леннику предоставлялось право сбора этого харādжа с земель, отданных ему в бенефицию (икта¹). Однако на деле, феодализация в Северной Африке встречала упорное сопротивление племен. Последующие события подтверждают, что арабская и берберская знать лишь в слабой мере осуществляли предоставленные им права. Хассан успел только сделать некоторые попытки в этом направлении, как его отозвали.

На политике Уқбы и Абū ал-Мухādжира отразилась феодальная борьба, связанная с двумя линиями в отношении завоевателей к берберам: блока с ними (Абū ал-Мухādжир) и безоговорочного подчинения их (Уқба). С ростом успехов мусульманского войска усиливалось значение арабской аристократии, чванство ее своей родовитостью и пренебрежение к союзникам — „безродным“ мавāли („клиентам“). В смещении Хассана основной причиной выступает уже более явное межфеодальное соперничество. Египетский наместник, от которого зависел Хассан, отозвал его, вознамерившись присвоить все богатства, которые тот накопил в Северной Африке. Хассан, узнав об этом, благополучно миновал Египет, спрятав главные ценности в кувшины с водой, и поднес их затем в дар халифу.¹ Тем не менее он не вернулся более в Магриб. В последующих назначениях и деятельности правителей Северной Африки еще ярче выступит соперничество феодальных группировок в борьбе за долю прибавочного продукта.

В 698/99 г. правителем Северной Африки был назначен Мусā ибн Нусайр, ранее занимавший пост сборщика харādжа в Басре.² Он застал страну в огне восстания и начал свою деятельность с опустошительных экспедиций в глубь страны. В радиусе трех дней пути от Кайруана племена, сохранившие старую доисламскую религию или отрехшиеся от ислама, принятого верхами, подвергались разграблению, массовому угону в плен, в рабство взрослых и детей. Он казнил мятежных, непокорных вождей, глав городов, ставил на их место из других племен вождей „хорошей репутации“. Называют, в частности, города Сūs, Буср (крепость), Зегвāн, Седжūма, подвергшиеся таким расправам. Особенно пострадала Седжūма. Известие говорит о шестистах именитых горожа-

Северной Африки, Йазид ибн абū Муслим, прямо ссылался в этом на опыт Рима (Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 213—214).

¹ Хассан сам преподнес египетскому наместнику в дар „200 молодых девушек знатного происхождения, румок и берберок“ (Ибн 'Аззāрй, т. I, стр. 23, фр. перевод стр. 30).

² Мусā был сыном маулā, плененного в Недже в 633 г., по одной версии, из лахмидов (южан, йеменитов), по другой — из племени Бакр ибн Ва'ил (северян, ветви рабй'а). Сам Мусā числился „под покровительством“ брата халифа. Дата назначения его в Северную Африку, как и другие, относящиеся к событиям того времени, не уточнена — от 699 до 705 г. (Ср.: Ибн 'Аззāрй, т. I, стр. 24, фр. перевод стр. 31; Fouquet, t. I стр. 231).

нах, убитых там, и разъясняет, что Мусā дал согласие на эти расправы находившимся при нем трем сыновьям 'Уқбы, как месть за убийство их отца племенем аураба.¹

В Марокко Мусā проделал повторно поход, осуществленный 'Уқбой. На позициях, контролировавших перевал через горы Атласа и далее до долины Сус, Мусā закрепил покорность племен тем, что утверждал послушных ему вождей и отбирал заложников из среды знати. Непокорных жестоко наказывали и уводили в плен. Одна пятая часть пленников, переданная халифу как его доля добычи, исчислялась десятками тысяч.

Мусā не только утвердил свою власть над главными племенами центральной части, но опираясь на них, стал покорять племена соседних областей. Ему покорились некоторые кочевники племени хаввāра на юге, приняли утвержденного им вождя горцы Кабилии (кетāма).² Опустошения, произведенные всей предшествующей борьбой, Мусā использовал для разрыва старых связей племен, переселив многих из окраин в опустошенные районы центра.³

Некоторые источники сообщают о капитуляции, без сопротивления Мусе, всех перечисленных районов, о подчинении их системе заложников, согласии с утвержденными для них вождями.⁴ Во всяком случае нет основания считать, что Мусā нарушил союз с берберскими верхами. Наоборот, он завершил его. Правителем Марокко (Танжера) Мусā назначил своего маулā, бербера Тāриқа.⁵ Заложники были влиты в отряд последнего, насчитывавший двенадцать тысяч берберов. Ему были переданы также арабы, назначенные для обучения берберов Корану и шаритату. Ибн 'Аззāри именно Тāриқу приписывает исламизацию Марокко.

Наконец, Мусā подвел новый материальный фундамент под арабоберберский блок и расширил его социальную базу соучастием берберских воинов ряда племен в набегах и разделе добычи. Мусā был первым правителем Северной Африки, организовавшим набег на Сицилию и ограбление Сиракуз. Укрепившись в Танжере, Мусā организовал набег берберов в 710 г. на побережье Испании, давший участникам его очень богатую добычу. В том же году он отрядил Тāриқа

¹ Ибн 'Абд ал-Ҳакам, стр. 205; Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 25—26, фр. перевод стр. 31—33.

² Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 25—26, фр. перевод стр. 32—33; Fournel, т. I, стр. 234—35.

³ Ибн Ҳаллун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 215.

⁴ Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 27, фр. перевод стр. 35.

⁵ Среди военачальников Мусы были его сыновья, племянник, трое сыновей 'Уқбы и другие представители арабской знати. Надо полагать, что только заключенный союз принудил арабскую знать уступить такое выдающееся положение берберу (ср.: Ибн 'Абд ал-Ҳакам, стр. 204—205; Ибн 'Аззāри, т. I, стр. 28, фр. перевод стр. 36—37).

с войском, состоявшим главным образом из берберов, на завоевание земель Испании.¹

Участие этих берберских масс под руководством своих племенных вождей в разделе богатой добычи, перспективы новых завоеваний, иллюзии раздела власти, временно сцементировали арабо-берберский блок. Источники отмечают, что отпадение берберов от ислама было обычным явлением до 710 г., а с этого времени „упрочилась среди них [берберов] заповедь ислама и прекратилось вероотступничество“.² Тогда же Северная Африка — ранее область, подчиненная египетскому „наместнику“ и охватывавшая одну Ифрийку, — получила особое управление в халифате. Эта провинция приобрела арабское название Магриб (запад); Испания вначале была включена в состав новой провинции.

Не только у разных авторов, но в одних и тех же источниках для правителей, облеченных одинаковой властью, применяются разные термины. Так, термин „вāли“ применялся и к „наместнику“ Египта, от которого зависел правитель Ифрийки, и к последнему.³ Встречается этот термин и для обозначения правителя района, города (Туниса), подчиненного полузависимому наместнику халифа в Ифрийке.⁴ В последнем значении, а также для обозначения наместников Египта, Триподи, Барки употреблялся также термин „‘амил“.⁵ Чаще всего встречающийся термин „эмир“ применялся преимущественно для обозначения крупных племенных вождей, как берберских племен,⁶ так и арабских.⁷ Очень редко, и то не в конкретном применении к тому или иному лицу, встречается значение „эмир“ как правитель Ифрийки, Северной Африки в изучаемое время.⁸ Таким образом, Северную Африку нельзя пока уточнить ни как эмират, ни как вилайет, и поэтому пользуемся общими терминами „наместничество“ и т. д. Самое превращение Северной Африки в наместничество прослеживается по возросшей власти местного представителя халифата.⁹

¹ Характеризуя состав войска Тāриқа, авторы дают о нем различные сведения: „арабы, берберы и их заложники“ (Ибн ‘Аззāрī, т. I, стр. 28, фр. перевод стр. 36), „берберы и их вожди“ (Ибн Халлун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 215); различно определяется численность войска: 12 000 берберов (Ибн Халлун, там же), 1700 человек (Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 204) и т. д.

² Ибн Халлун, т. I, стр. 136, фр. перевод стр. 215—216.

³ Ибн Халлун, т. I, стр. 136 и 139; Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 200.

⁴ Ибн ‘Аззāрī, т. I, стр. 56; Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 205.

⁵ Ибн Халлун, т. I, стр. 135, 138; Ибн ‘Аззāрī, т. I, стр. 77, 80; Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 216—217, 221.

⁶ Ибн Халлун, т. I, стр. 127—128, 136, 138—139; Ибн ‘Аззāрī, т. I, стр. 67, 69, 72.

⁷ Ибн Халлун, т. I, стр. 18, 27, 33, 218—219.

⁸ Ибн Халлун, т. I, стр. 137; Ибн ‘Аззāрī, т. I, стр. 36.

⁹ Ср.: Ибн ‘Аззāрī, т. I, стр. 33—34, фр. перевод стр. 44—45; Fournel, t. I, стр. 231.

Завоевания вели к углублению эксплуатации масс и обострению борьбы господствующего класса за экономическое благосостояние, за власть. Феодальные распри отдельных группировок стали выступать еще более обнаженно, чем при Хассане. И понятно, что первыми жертвами распри становились вассалы-берберы. Именно на этой почве разгорелся конфликт между Мусой и Тариком. Завидуя славе своего маула в Испании, растущему влиянию его и захваченной им добыче, Мусā лично явился с отрядом в составе „арабской знати, мавāли и берберских вождей“ в Испанию. Тариқ встретил своего „покровителя“ покорно, словами: „Подлинно, я твой маула, и это завоевание — твое“.¹ Мусу не удовлетворила эта внешняя покорность, он схватил Тариқа, собираясь казнить его.² Однако по распоряжению халифа Мусā вынужден был отпустить Тариқа. Он сам был вскоре отозван, а его богатства были присвоены халифом, по тем же причинам, по которым Мусā ранее преследовал Тариқа.³

Преемник Мусы Мухаммед ибн Йазид аз-Курайши, маула курайшитов, прибыл с поручением окончательно уничтожить в Магрибе влияние своего предшественника, захватить богатства его родичей и сторонников. Сына Мусы, Абдаллаха, поставленного отцом править Ифрийкией, Мухаммед подверг пытке, затем казнил. Второй сын Мусы, Абд ал-‘Азйз, правитель Испании, был убит своими приближенными по призыву халифа. Головы обоих сыновей были отосланы халифу и предьявлены Мусе, в то время как его самого подвергали пытке.⁴

Распри между отдельными семьями господствующего класса, наряду со столкновениями между арабами и берберами, осложнялись давним соперничеством между арабами-северянами (қайситами) и южанами (йемени-тами, калбитами). Мухаммед ибн Йазид, как маула курайшитов, назначил қайситов правителями.⁵ Политика Мухаммеда в отношении берберов сводилась к набегам на непокорные племена, с целью захвата добычи и расширения круга подданных, обязанных уплачивать харāдж.

Тем временем во всем халифате становится все обременительней налоговый режим. Вслед за экспроприацией и закабалением неверных, ставших подданными халифата, покоренных силами правоверных, насту-

¹ Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 207.

² Сообщается, что донесение халифу о конфликте доставил посланный Мусы, которого Тариқ подкупил, подарив ему 100 рабов (Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 210; Ибн ‘Аззāрй, т. I, стр. 28, фр. перевод стр. 37).

³ Ибн ‘Аззāрй, т. I, стр. 29—32, фр. перевод стр. 38—42.

⁴ Этих характерных подробностей касаются не все источники. А Ибн ‘Аззāрй, сообщая о них (т. I, стр. 32—33, фр. перевод стр. 43—44), выражает сожаление по этому поводу, ибо эти акты „позорят халифа“. Надо полагать, что именно поэтому другие авторы опустили подробности, позорящие халифа. Казнь Абдаллаха некоторые источники связывают с последующими событиями 739 г. (Ибн ‘Абд ал-Хакам, стр. 213).

⁵ Ибн ‘Аззāрй, т. I, стр. 33, фр. перевод стр. 44.

пил черед закабаления мусульманских масс. Этот поворот выразился прежде всего в обложении налогом-рентой — хараджем — земель мусульман. Огнем и мечем проводилась новая политика на востоке халифата. Как наиболее яркий представитель ее, известен иракский наместник Хаджжадж, железной рукой уничтоживший всякую оппозицию.

Эта практика нашла отражение в налоговой политике магрийских наместников. Вместе с тем, наряду с тенденцией распространить хараджные отношения на берберов-мусульман, все определеннее стала выступать в Магрибе форма реализации феодальной собственности на землю, система икта'. Имеется сообщение, подтверждающее это: „... в период завоеваний, когда мусульмане овладели Магрибом и его провинциями, они поделили его между собою“.¹ Там же дано описание лена (икта'), предоставленного в результате этого раздела одному калбиту, Салеху ибн Мансур, на земли долины р. Нокур в Марокко, близ Средиземного моря, в период наместничества Мусы. Брачные и иные союзы Салеха с местной знатью, превратившие берберов в его мавали, многочисленное потомство, а также поддержка халифата — все это упрочило его влияние. Затем этот лен стал наследственным владением, феодальным княжеством. Княжество не избегло восстаний эксплуатируемых берберов, отречений их от ислама, временного возврата к полупатриархальному строю, во главе с выборным сородичем-вождем; но в конечном счете Салеху и его преемникам удавалось восстановить свою власть.²

Наличием феодальных владений икта' можно объяснить постоянные выступления в Магрибе потомства и мавали прежних завоевателей — Му'авии ибн Худайджа, Укбы, Мусы, Мухаммеда ибн Йазйда и т. д. Осев здесь в своих вотчинах, они были военной и гражданской властью; дополнявшей джунд — войско наместника. Их, очевидно, имеют в виду источники, часто упоминая „знать ифрикийцев-курайшитов, ансаров и др.“³

Политика экспроприаций и тяжелых повинностей, особенно ошутительная на востоке халифата, вызывала восстания, расшатывавшие трон халифата. В противовес этому росла тенденция другой части арабских верхов отменить „некоранические“ налоги, пойти на некоторые уступки популярному требованию „возврата к книге Аллаха и сунне посланника его“, которое выражало сопротивление растущей феодальной эксплуатации. Представителем этой тенденции стал халиф Омар II, правивший с 717 до 720 г.

¹ Ибн Халдун, т. I, стр. 282, фр. перевод т. II, стр. 137.

² Ибн Халдун, т. I, стр. 283—284, фр. перевод т. II, стр. 138—141. Династия Салеха правила до начала X в.

³ Ибн Абд ал-Хаккам, стр. 218, а также стр. 210, 214, 219.

В соответствии с этим курсом наместником Магриба был назначен внук Абу ал-Мухаджира, убежденного сторонника союза с берберами, Исма'йл ибн Убайд Аллах. Вместе с ним в Магриб прибыло десять мусульманских богословов. 'Омар II обратился с соответствующим призывом к населению, объявленном во всех городах Магриба. Отмечается особо, что Исма'йл „вел примерную жизнь и в его владениях не осталось ни одного бербера вне ислама“.¹ Такая характеристика, конечно, очень преувеличена, хотя упрочение ислама в те годы действительно наблюдалось, в частности, именно тогда на Магриб был впервые распространен запрет пить вино.²

Однако каковы бы ни были благие порывы или предусмотрительность отдельных представителей правящего класса, никакие религиозные каноны не могли побудить феодалов добровольно отречься от своих привилегий, никакие призывы халифа и примерная жизнь наместника не могли задержать, повернуть вспять колесо истории. Наоборот, преемник 'Омара II сделал крутой поворот в сторону углубления социальной дифференциации.

Ярким выразителем поворота политического курса стал новый наместник Магриба Йазид ибн абу Муслим; он был маула упомянутого Хаджжаджа и правой его рукой. Йазид возобновил преследование против родичей и мавали Мусы, а заодно и против первого преследователя Мусы, преемника его, Мухаммеда ибн Йазйда.³ В этих мероприятиях Йазйда уже отчетливо прослеживается борьба феодальных группировок, осложненная стремлением центральной власти ограничить могущество местных держателей ленов.

В первый же год управления деятельность Йазйда вызвала волнения, приведшие к его гибели. Большую роль в данном случае сыграли интриги обосновавшихся в Магрибе арабских феодалов. Однако причина возмущения лежала гораздо глубже. Почти все арабские источники, несмотря на разноречие в деталях и на подчеркивание значения интриг, приводят факты, свидетельствующие о народном характере волнений. Один из них говорит об Йазиде, что „он хотел действовать подобно Хаджжаджу в Ираке“.⁴ Другие передают, что он пытался „клеить“ руки своих дружинников „по образцу Византии“, „для отличия их от остальных берберов“.⁵ Большинство источников связывает этот акт с намерением Йазйда присвоить, в качестве доли халифа

¹ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 213.

² Ибн 'Аззайри, т. I, стр. 34, фр. перевод стр. 44—45.

³ О многочисленных фактах этого рода сообщают Ибн 'Абд ал-Хакам (стр. 213) и Нувейри [Ибн Халдун, фр. перевод т. I, Приложение (Nuwairi); стр. 354]. Однако Ибн 'Аззайри умалчивает о них.

⁴ Ibn el-Athir. Revue Africaine. Alger, 1897, стр. 26.

⁵ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 213; Ибн 'Аззайри, т. I, стр. 34, фр. перевод стр. 45.

в добыче, самих дружинников и их богатства. Ибн 'Абд ал-Хакам также сообщает об учете Йазидом имущества и детей клейменных, в качестве причитающейся халифу доли добычи.¹ Действительно, „клеймение“ части берберов-мусульман могло означать только их закрепощение в качестве воинов, членов дружины, тогда как повинностью всех остальных берберов, мусульман и немусульман, стала уплата налога хараджа за пользование захваченной у них завоевателями земли, к которой они фактически прикреплялись. Именно эта острота классовой борьбы привела к убийству Йазйда.²

Однако в 721 г. взаимная связь арабо-берберских верхов оказалась еще достаточно прочной. Массы еще доверяли халифу. Местные верхи выдвинули кандидатом в правители одного из осевших здесь ансаров Мухаммеда ибн Ауза, находившегося вне подозрения в причастности к убийству Йазйда. На время халиф признал его.

В том же году прибыл новый наместник, калбит (йеменит) Бешр ибн Сафван. Он, видимо, окончательно захватил собственность Мусы ибн Нузайра и уничтожил его род.³ Важнейшими источниками доходов наместника оставались: завоевания в Испании, набеги на Сицилию, экспроприация берберов, оставшихся „неверными“. Поэтому правителем в Испании Бешр поставил верного ему калбита, а сам возглавил экспедицию в Сицилию. Бешр умер в 727 г., оставив своим заместителем другого калбита.

Халиф, однако, в следующем году прислал наместником 'Убайда ибн 'Абд ар-Рахмана. С удивительным однообразием повторилась прежняя история: новый наместник, захватив врасплох всех помощников и приверженцев предшествующего наместника, Бешра, стал пытаться их, понуждая платить контрибуцию. Арабские историки и некоторые современные исследователи рассматривали эти меры как поддержку халифом қайситов в их соперничестве с калбитами.⁴ Но приведенные данные подтверждают беспочвенность попыток сводить феодальную борьбу в пределах господствующего класса к межплеменным распрям. После пятилетнего правления 'Убайда халиф внял жалобам его противников и отозвал его (734 г.).

¹ Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 214.

² Некоторые считают, что дружина была сформирована из мавля, захваченных у родичей Мусы ибн Нузайра. Влиянием последних они объясняют роль этих мавля в убийстве Йазйда. Но мы впредь встретимся с подобным участием мавля Мусы в массовой борьбе против халифата, против всей арабской знати. (Ср.: Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 213—218).

³ Ибн 'Аззари, т. I, стр. 35, фр. перевод стр. 46. Напомним, что зачинатель ликвидации рода Мусы, Мухаммед ал-Курайши опирался на қайситов (там же, стр. 33, фр. перевод стр. 44) и, очевидно, к ним же следует отнести Йазйда, маула қайситов, продолжателя этих акций.

⁴ См. фрагмент поэмы, приведенный Ибн 'Аззари (т. I, стр. 36—37, фр. перевод стр. 48). Очевидно, в этом была доля истины, но только доля.

Свыше года временно правил заместитель, а с середины 734 г. прибыл новый наместник. Значение Магриба к этому времени возросло, его наместнику был подчинен Египет, в которой последний назначал своего заместителя, как и в Испании. Новый наместник 'Убайд Аллах ибн ал-Хабхаб, маула рода Селул, был қайситом. Египтом и Танжером правили его сыновья; в Испанию он назначил правителем сына своего „покровителя“, которому считал себя обязанным предоставить выгодное место.¹

В годы правления 'Убеид Аллаха к прежним экспедициям из Магриба на его окраины и в Сицилию прибавились набеги на Судан, доставлявшие войску золото и девушек-рабынь.² Однако вместе с укреплением феодальных отношений халифата и в Магрибе основой фискальной политики стали налог-рента и закрепощение непосредственного производителя.

На этой почве в 739 г. под знаменем мусульманской ереси, хариджизма, вспыхнуло невиданное ранее массовое восстание. Первыми жертвами народного гнева были правители, поставленные наместником на севере и на юге Марокко. В отличие от прежних возмущений восстание, начавшееся в 739 г., в результате тяжелых поражений, нанесенных войскам халифата, выросло в войну, в итоге освободившую Магриб от господства халифата.

Долгие годы длилась эта борьба. Отдельные ставленники халифата удерживались еще на восточной окраине в Кайруане, в Ифрийки. Но и там они, подобно некоторым другим мелким государствам, возглавляемым арабами, отложились от халифата, а затем вовсе были сметены, уступив дорогу складывавшемуся в Магрибе независимому государству.

Полувековой контакт с арабами не мог пройти бесследно для Магриба. Прежде всего влияние его выразилось в почти полном вытеснении исламом других монотеистических религий — иудейства и христианства, распространенных ранее среди части берберов. Новая религиозная идеология как надстройка ускорила развитие феодальных отношений, упрочила господство их, стала основой союза арабо-берберских верхов. Углубление классовой дифференциации, рост противоречий между феодальными группировками, в процессе которого арабская знать вытесняла берберов с командных позиций, вызвали нарастающее сопротивление неравноправным, насильственным формам союза. Однако свержение господства халифата после 739 г. не разорвало связей Магриба с арабами. Оно лишь отчасти устранило их насильственную форму. Тем самым открылись новые возможности развития арабо-берберских связей, на более прочной и расширенной социальной основе. Этот вопрос, а также более подробный анализ классовых отношений намечается осветить в следующем сборнике, в статье, посвященной хариджитам Магриба.

¹ Ибн 'Аззәрй, т. I, стр. 39—40, фр. перевод стр. 51—52.

² Ибн 'Абд ал-Хакам, стр. 217.